

Лизавета Ивановна

Персонаж повести А.С. Пушкина «Пиковая дама», бедная воспитанница, невольно помогающая главному герою Германну проникнуть в спальню старой графини, раскаивающаяся в этом и (о чем читатель узнает из Заключения) в конце концов выходящая замуж «за очень любезного молодого человека». Отныне она обеспечена, при ней «воспитывается бедная родственница».

Образ Лизаветы Ивановны помещен в сюжетное кольцо; от начала к концу ее жизнь совершает оборот вокруг оси; социальный сценарий остается прежним — меняются лишь исполнительницы ролей; люди перемещаются из одних «клеточек» в другие — как карты на ломберном столе. Есть ли в этом перемещении закономерность, предрешенность — до конца неясно; контрастный пример «несчастливого» Германна и «счастливого» Томского подтверждает это, пример Лизаветы Ивановны отчасти опровергает. По своему положению в свете она не могла надеяться на счастливый брак; ее личная участь нетипична и заранее непредсказуема. Это тем заметнее, чем более типична и предсказуема сама жизненная «модель», которую Лизавета Ивановна воспроизводит в своей дальнейшей судьбе: богатая хозяйка и бедная родственница.

Ее положение в большом свете — жалко; в общество «равных» ее не вывозят; старуха эгоистична и устройством брака Лизаветы Ивановны не занимается. Во многом именно потому, что у одинокой воспитанницы нет надежды на «достойное» знакомство, ее самолюбивым сердцем столь легко овладевает военный инженер Германн, замысливший выведать тайну «трех карт», которой владеет старая графиня. На третий день после того, как он узнает о существовании тайны, Германн впервые появляется из-за угольного дома под окнами Лизаветы Ивановны; еще через семь дней она уже интересуется у внука графини Томского, кого тот собирается представить бабушке — военного, инженера? Ни читатель, ни тем более сама героиня не ведают, что она уже попала во власть числовой символики трех карт (третий день — тройка, неделя — семерка); что мнимый влюбленный постепенно превращает ее в орудие заговора против судьбы, олицетворенной для него в графине. «Молодая мечтательница» вступает в осторожную (не слишком откровенную, не слишком холодную) переписку с Германном. Но не проходит трех недель (тройка, семерка; трижды семь — двадцать один, «очко» по карточной терминологии), как военному инженеру назначено ночное свидание и описан способ проникновения в дом старой графини, то есть невольно проложен путь к ее (невольному же!) убийству.

В сцене бала, которая предшествует ночному свиданию, Пушкин еще раз подчеркивает унижительность роли Лизаветы Ивановны в свете: Томский приглашает ее на мазурку только в отместку своей невесте; при этом он мило вышучивает привязанность партнерши по танцу к инженерным офицерам — и ненароком выбалтывает подробности о Германне. Тема социального одиночества Лизаветы Ивановны и тема ее влюбленности вновь — и окончательно — сомкнуты. Если бы действиями Лизаветы Ивановны руководило стремление переиграть свою несчастную судьбу, если бы она сознательно рассчитывала «ходы» и надеялась с помощью Германна преодолеть свою социальную участь, — то ее ждало бы сокрушительное поражение. Такова логика повести, ведущая Германна к краху его судьбы. Но в том и дело, что общественное положение лишь формирует «психологические предпосылки» уступчивости Лизаветы Ивановны в ее отношениях с Германном; главное, что она искренно подчиняется зову сердца — только это смирение перед жизнью защищает ее от власти той тайной силы, что завладевает инженером. Когда он, запугав старуху до смерти своим незаряженным пистолетом, так и не выведав желанную тайну трех карт, является в комнату Лизаветы Ивановны, та сидит «слож

крестом голые руки». Она еще не знает, что стала слепой помощницей убийцы, но уже сожалеет о поспешном приглашении и принимает позу раскаяния, позу Марии Магдалины. А Германн, для которого страдание Лизаветы Ивановны несущественно, а смерть графини менее страшна, чем потеря надежды на разгадку ее секрета, скрещивает руки понаполеоновски. (Ср. также крестообразно сложенные руки старой графини в сцене отпевания.) Точно так же несостоявшиеся любовники одинаково ведут себя во время отпевания старухи: сначала падает в обморок Германн, за ним — Лизавета Ивановна; но если причина его падения — демоническая насмешка мертвой графини, то ли увиденная им, то ли причудившаяся, то обморок Лизаветы Ивановны свидетельствует о глубине переживания невольной вины.

Само имя героини указывает на ее литературное происхождение от «Бедной Лизы» Карамзина. Естественно, между ними пролегает пропасть; Лизавета Ивановна, бедная родственница аристократки, отстоит от Лизы, крестьянской девушки, еще дальше, чем военный инженер Германн от гусарского офицера Эраста; доказывать, что «и крестьянки любить умеют», в 1830-е годы нет необходимости. Но имя само по себе уже неотделимо от идеи социального страдания, мотива недоразделенной любви, темы косвенной вины, пафоса искренности и сердечности. Все это сконцентрировано в судьбе и образе Лизаветы Ивановны, которая, однако, не гибнет в жизненном омуте, но обретает счастье.

Карамзинский фон ее образа наложен на другой, не менее значимый фон. Пушкин подробно описывает печальную участь приживалки, домашней мученицы, которой постоянно недоплачивают — и требуют при этом одеваться «как все» (то есть как очень немногие); он подробно говорит о бесконечных капризах старой графини (одеваться! отложить! читать! одеваться! отложить!), о жалком положении Лизаветы Ивановны в свете, — но в самую сердцевину детальной социальной характеристики как бы случайно вживляет цитату из Данте («Горек чужой хлеб, говорит Данте»). Цитата (третья часть «Божественной комедии» — «Рай») сразу выводит образ Лизаветы Ивановны за пределы узкосоциальной роли, возвращает определению «домашняя мученица» оттенок религиозного смысла. Все значимые герои повести так или иначе соприкасаются с демонической силой; Лизавета Ивановна, чья жизнь «подобие ада» — единственная в повести, соотносена через свое смирение с благими силами Рая, соотносена, несмотря на невольную вину. Если в «Пиковой даме» есть персонаж, сулящий некое подобие надежды, есть «дама», которая не «бита», — то это Лизавета Ивановна. От чего, впрочем, мир, описанный Пушкиным, не делается более счастливым, а фраза об удачном замужестве Лизаветы Ивановны — менее скептической и ироничной.